

М.А. Климкова,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Сергей Александрович Рачинский и церковно-приходские школы

Читая наши педагогические руководства, прислушиваясь к толкам печати, беседуя о школах с представителями нашей интеллигенции, ...чувствуешь, что речь идет не о той сельской школе, в которой приходится нам трудиться, но о сельской школе вообще, о какой-то схеме, заимствованной из наблюдений над школами иностранными, преимущественно немецкими. Но та школа, которая возникает на наших глазах среди народа, глубоко отличающегося от всех прочих своим прошлым, своим религиозным и племенным характером, своим общественным составом, ...с этой схемой имеет очень мало общего.

С.А. Рачинский. «Сельская школа» (1881)

Идея обучения в России грамоте принадлежала императрице Екатерине II, которая в 1770 году составила первый проект устройства школ для мужского населения, однако на протяжении века он не был воплощен в жизнь. Лишь после 1860-х годов, когда было отменено крепостное право, проведены земская и городская реформы, появились реальные основы для развития народного образования. Всеобщее обучение стало первейшей задачей земства, столкнувшегося с множеством проблем: отсутствием государственного финансирования, учителей, помещений, программ, учебников. Но самое главное – не было единства во взглядах на то, каким должно быть образование и какие цели оно будет преследовать.

В тот период число школ быстро росло. Они имели разную направленность и ведомственное подчинение: школы министерства народного просвещения, земские, церковные, школы грамоты и др.

Идейным вдохновителем церковно-приходских школ стал Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) – ученый и педагог, своей биографией связанный с Тамбовским краем. Его мать, Варвара Аврамовна, которой он обязан воспитанием и начальным образованием, была сестрой поэта Е.А. Боратынского и выросла в усадьбе Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии¹.

Сергей Рачинский был сторонником церковно-приходских школ и Общества трезвости, что вызывало осторожное отношение к его деятельности перед революцией и после нее. До революции оно объяснялось либерализацией высшего общества, порой враждебно относившегося ко всему национальному, – как тогда казалось, устаревшему, отжившему, реакционному. Именно так воспринималось дело Рачинского, который распространяемому у революционеров-разночинцев «хождению в народ» противопоставил путь «слияния с народом», обратившись к традиционной для русского государства идее единства школы и Церкви.

В советский период наследие Рачинского тоже замалчивали. Ведь, помимо поддержки церковно-приходских школ, он был потомственным дворянином, помещиком, что заставляло задуматься об исключениях, существовавших в марксистско-ленинской теории о классе «угнетателей».

В то, что дворянин мог не только строить школы для крестьян, но и преподавать в них, живя и питаясь вместе с учениками, тратя на это большую часть своих доходов, было трудно поверить. Невозможно было представить, что ученики Рачинского могли читать и писать, петь по нотам, прекрасно рисовать, а также решать в уме сложнейшие примеры. Одно из таких занятий увековечено на живописном полотне Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского», которое хранится в Государственной Третьяковской галерее. Художник, присутствовавший на уроке, изобразил класс и в нем доску, на которой мелом начертан пример – сумма квадратов пяти двузначных чисел, разделенная на трехзначное число. Если Сергей Александрович сумел

¹ Подробнее см.: *Климкова М.А. «Край отеческий...»: История усадьбы Боратынских*. СПб., 2006; Ее же. *Духовные традиции рода Боратынских // Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всероссийского научного семинара*. Тамбов, 2005.

добиться со своими учениками такого удивительного результата в устном решении сложнейших задач, то опыт его школ, по сегодняшним меркам, бесценен.

Понять особенности школ Сергея Рачинского невозможно без обращения к традициям семьи, в которой он родился и вырос.

В усадьбе Мара Кирсановского уезда, принадлежавшей дворянам Боратынским, основы воспитательной системы были заложены матерью поэта Евгения Боратынского – Александрой Федоровной. Сергей Рачинский вспоминал о своей бабушке: «В ней благородство характера, доброта и нежность чувства соединялись с возвышенным умом и почти не женской энергией»².

С шести лет Александра Федоровна воспитывалась в институте благородных девиц при Смольном монастыре в Петербурге и являлась одной из лучших учениц своего выпуска. Это учебное заведение воплощало в жизнь идею его основательницы Екатерины II, которая хотела создать «новую породу людей» – улучшить человечество путем воспитания. Поэтому основное внимание в институте уделялось гуманитарным дисциплинам, формирующим сознание.

Окончив институт, Александра Федоровна стала любимой фрейлиной императрицы Марии Федоровны, которая умела ценить в людях достоинства.

Когда Александра вышла замуж за генерала Аврама (Абрама) Андреевича Боратынского и переехала в его тамбовское имение, то явила пример хорошей хозяйки дома и заботливой матери. Воспитание своих семерых детей (а потом и внуков) она строила на основах педагогической системы Смольного института – традиционных нравственных ценностях, доверительных отношениях, поощрениях, приобщении к искусству. Без этого не смогли бы раскрыться таланты ее дочерей и сыновей.

Александра Федоровна сама занималась с младшими детьми русским и иностранными языками, а когда они подрастали, то приглашала гувернеров, гувернанток и учителей. Среди приоритетов в семье Боратынских – занятие рисованием, живописью, музыкой. Особое значение придавалось чтению. Любовь к книге, по

² Е.А. Боратынский: Материалы к его биографии: Из Татевского архива Рачинских / Введ. и прим. Ю. Верховского. Пг., 1916. С. 136.

мнению Александры Федоровны, являлась важнейшим стимулом самообучения. Она писала в 1830-х годах к дочери – Варваре Рачинской, которая в ту пору сама стала матерью: «Отчего ты так отчаивалась насчет твоих познаний? Насильно никого не выучить, а ежели сын твой не будет любить читать, так и учить не стоит. В противном случае, он сам больше вовнутрь горевши, нежели долбивши наизусть...»³

Впоследствии, когда Сергей Рачинский, упомянутый в письме, начал развивать в школах смоленского имения Татеево социальную педагогику, то вслед за своей бабушкой Александрой Боратынской, вопреки сложившимся правилам, которые ограничивали время уроков, утверждал, что дети способны учиться целый день, но при условии духовной жажды и вдохновения.

Рачинский провел детство в усадьбе Татеево, часто гостя у родственников в Тамбовской губернии. Екатерина Федоровна Черепанова писала в 1849 году из Мары к своей племяннице Варваре Рачинской: «Истинное утешение – приезд... бесценных твоих детей. Сережу уже знала; как тебя благодарить за него – ты [многого] лишила себя, отпустив его к нам. А Володенька нас всех просто восхитил. Я не знаю, как достойно возблагодарить Бога за них. Одна молитва к нему: да сохранит их Господь, этих несравненных, добрых, нежных юношей... Радуюсь за тебя, что ты вознаграждена за все труды твои. Много ли родителей так счастливо?»⁴

В тот год Сергей Рачинский поступил в Московский университет на медицинский факультет, но затем перевелся на естественный. Кроме того, в качестве вольного слушателя он посещал занятия физико-математического факультета. Впоследствии знания, полученные Рачинским, определили его судьбу...

Окончив университет, Рачинский уехал за границу, где занимался наукой и свободным творчеством. Везде, где жил и бывал молодой человек, он, как некий духовный магнит, притягивал к себе людей. В тот период он подружился с композитором Ф. Листом, писавшим музыку на его стихи, и с историком философии К. Фишером.

³ Цит. по: Климкова М.А. «Край отеческий...» С. 192.

⁴ Там же. С. 197.

В 1858 году 25-летний Рачинский вернулся в Москву, возглавил кафедру ботаники Московского университета, защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Студенты его любили за педагогический дар и душевную теплоту. Сергей Александрович читал лекции, занимался административной работой и благотворительностью, помогая наиболее талантливым ученикам, а в свободное время вел светскую жизнь. Он был частым гостем в доме драматурга, поэта и журналиста Н.В. Сушкова, где собиралось аристократическое общество Москвы, а квартиру Рачинского на Остоженке посещали братья Аксаковы, Тютчевы, граф Л.Н. Толстой, П.И. Чайковский.

Рачинский воспитывался в традиционной патриархальной семье, в жизни которой вера в Бога занимала естественное место, поэтому тот период был насыщен не только светскими знакомствами, но и церковными. К примеру, 25 мая 1865 года он рассказывал матери в письме о встрече с епископом Смоленским Антонием (Амфитеатровым), который известен тем, что в 1861 году предложил отмечать в России память святых Кирилла и Мефодия и День славянской письменности:

«Милая мамаша. Я в субботу благополучно прибыл в Смоленск. В воскресенье был у обедни в соборе, затем на завтраке у архиерея и с визитом у директора... и вечером был опять у Антония. Вчера утром отправился к Свирской и нарисовал эту старую церковь. Обедал у Настасьи Ивановны и пил там чай с Антонием... Сегодня утром буду у отца Кирилла (инспектора семинарии, очень любезного молодого архимандрита), у Антония...

Антоний – прелесть владыка. Я в первый раз в жизни вижу монаха, производящего такое приятное впечатление, и притом естественная важность, несмотря на почти юношескую веселость и добродушие. Он чрезвычайно мал и худ, деятелен и быстр донельзя, даже служит быстро и отчетливо, совсем наоборот московских архиереев, но все делает с какою-то сосредоточенностью, серьезностью, придающей величавость его несколько резким движениям. Это особенно заметно во время облачения, которое так легко делается смешным, если архиерей во время этого обряда жеманится и медлит. Он страстный охотник до садоводства и превратил живописные овраги, окружающие архиерейский дом, в изящную прогулку. В доме у него все просто и хорошо, и дышит порядком и деятельностью.

Прощай милая мамаша, обнимаю вас всех. Твой С. Рачинский»⁵.

В 1868 году Рачинский подал в отставку и оставил университет. Ему исполнилось 35 лет. Некоторое время он продолжал жить в Москве, подрабатывая переводами для «Русского архива», однако сердце и разум все более тянули его в родное дворянское гнездо, в Татеве, куда он приезжал летом и зимой. Там он занимался строительством, много читал, проводил ботанические опыты и усовершенствовал приемы сельского хозяйства. Лишь осенью 1871 года Рачинский окончательно поселился в Татеве, став помещиком. Все его мысли теперь занимали сад и оранжереи. В заметках и письмах Сергея Александровича тех лет встречаются записи:

«1872. Прибытие [садовника] Андерсена. Постройки: цветочная, ананасная, маленькая оранжерея. Неслыханная весна...»⁶

«...У нас продолжается холодная погода и беспутница... В теплице царствует самая роскошная весна: соединение орхидей, рододендронов и роз придает ей вид огромного букета. Даже совестно, что все это цветет для нас одних...»⁷

«...Несмотря на холод, у нас в саду множество фиалок и гиацинтов. В комнате же цветут глоксинии красоты неописанной...»⁸

«...Погода стала хорошая, все зеленеет, балкон убранся цветами... Сегодня начали ломать оранжерею, и садовники бегают около нее, как муравьи около разрушенного муравейника, спасая, что можно из общего разгрома... Третьего дня мы с мамашей обратили в христианство юного Андерсена, причем было наречено ему имя Константин: неофит страшно барахтался, жара была страшная, ...но все кончилось благополучно...»⁹

Однажды Сергей Александрович зашел в школу для крестьянских детей, основанную в Татеве его сестрой Варварой, и был разочарован царившей там скукой. Он попытался объяснить ученикам тот же материал, но другим языком – более живо и доступно. Результат превзошел все ожидания: дети заинтересовались темой и быстро усвоили ее, а Рачинский получил удовлетворение. С тех

⁵ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 477. Л. 242–243.

⁶ Там же. Д. 719. Л. 44.

⁷ ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 33. Оп. 2. Д. 415. Л. 9 об.

⁸ Там же. Л. 19 об.

⁹ Там же. Л. 22.

пор Сергей Александрович постоянно ходил в школу и постепенно из помещика превратился в сельского учителя¹⁰. Тут ему пригодились и знания в разных областях науки, и увлеченность искусствами, и опыт университетского педагога, и высокая человеческая культура. Если раньше Сергей Александрович разводил и культивировал растения, то теперь он занялся взращиванием детских душ, которые по своей чистоте могли быть сравнимы разве что с райскими цветами...

Рачинский стал главным в России идеологом церковно-приходской школы, начавшей развиваться и конкурировать со школой земской. «Заметки о сельских школах», публикуемые им в «Русском вестнике», «Руси», «Церковных ведомостях», способствовали развитию национальной педагогики¹¹. Как перед одним из первопроходцев народного образования, перед ним встал ряд сложнейших проблем, и, прежде всего, взаимоотношение общества и Церкви.

Подавляющая часть российской элиты, от которой зависело принятие решений, была в тот период далека от Церкви и не поддерживала создание церковно-приходских школ. «Слово "религия", – писал Сергей Александрович, – в консервативных кругах получило право гражданства, но слово "церковь" подозрительно, слово "священник" возбуждает смех. Высшее общество, насколько оно еще заботится о религии, сплошь проникнуто пашковским духом и презрением к православию. В нем защитниками церкви и духовенства являются лютеране, например баронесса Раден...»¹²

Рачинский понимал, что в таком положении дел отчасти виновата и сама Церковь. Ее служители, среди которых было мало людей с хорошим образованием, не были готовы удовлетворять возросшие духовные потребности общества, стремительно накапливавшего знания в области естественных и технических наук.

В подобных условиях важнейшей проблемой для церковно-приходских школ становилась потребность в верующих учителях и образованных священниках.

¹⁰ См.: Переписка С.А. Рачинского с Л.Н. Толстым. М.; Л., 1928.

¹¹ См.: Рачинский С.А. Сельская школа: Сб. статей / Пред. И. Горбова. М., 1892; Его же. Сельская школа: Сб. статей / Сост., вступит. статья, коммент. Л.Ю. Стрелковой. М., 1991.

¹² РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 718. Л. 8.

Рачинский поставил перед Татевской школой задачу – подготовить учителей и церковнослужителей из крестьянской среды. Эту деятельность поддержал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, который в 1883 году писал Александру III: «Вы изволите припомнить, как несколько лет тому назад я докладывал Вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на жительство в свое имение... и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной. Стал поистине благодетелем местности, основал и ведет с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени... Кроме школ он устроил у себя специальную больницу...»¹³

Когда Сергей Рачинский занялся педагогикой, то стал открывать в учениках таланты – математические, художественные, музыкальные. Он считал, что количество дремлющих творческих сил в народе – огромно, но о них может составить представление лишь внимательный сельский учитель.

Рачинский умел увлечь детей любым предметом. Он развил до совершенства математические навыки учеников, особенно полюбивших устный счет. В перерыве между занятиями они не желали отдыхать, а просили дать примеры для «умственного» счета и решали их с большим воодушевлением. Племянница Рачинского, Ксения Боратынская, вспоминала об уроках Сергея Александровича: «Дети не сидели за партами, а теснились вокруг него. Он импровизировал задачи и задавал по несколько задач зараз. Одни – легче, другие – труднее... и тут же сам решал их в уме... Первое время цифры записывались на доске, но потом и это облегчение отстранилось. Устный счет принимал вид азартной игры»¹⁴.

Уроки арифметики обретали настоящий творческий характер, когда, освоив правила, дети сами придумывали оригинальные ме-

¹³ *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени: Письма к Александру III. М., 1993. С. 356–357.

¹⁴ *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М., 2007. С. 203.

тоды вычислений. Опыт своего преподавания Рачинский изложил в книге «1001 задача для умственных вычислений», вышедшей в 1891 году в Петербурге.

Рачинский ввел в программу своих школ геометрию, физику, основы географии и истории. Являясь профессиональным ботаником, он рассказывал о законах природы и мире растений. Одним словом, все свои научные знания Сергей Александрович использовал для развития учеников. Причем весь материал он преподносил с точки зрения практических потребностей крестьянской жизни, да и само устройство школы подчинил особенностям сельской России.

Холодные зимы, короткий световой день, большие расстояния между населенными пунктами способствовали тому, что дети отдаленных деревень приходили в школу на целый день, а то и на неделю, ночуя в классе или сторожке. Чтобы создать условия для учебы, Рачинский придал школе форму трудового интерната с общежитием и сам поселился в ней. Занятия здесь проходили до самой ночи, поэтому заданий «на дом» не давалось.

Между уроками воспитанники гуляли, играли, читали книги и занимались хозяйством. В распорядок дня были включены утренние и вечерние молитвы, воскресные и праздничные богослужения. Сергей Александрович устраивал паломничества по святым местам, в том числе в ближайшую с Татовом Нило-Столбенскую пустынь. (Именно с Рачинским связывают зарождение в России школьных паломничеств.)

Рачинский заметил, что его ученики с удовольствием занимаются с новичками и отстающими, являясь прирожденными педагогами. Это объяснялось особенностями жизни крестьянских семей, в которых мать была всегда занята домашним хозяйством и полевыми работами, а старшие дети нянчили младших, учили и заботились о них. Поэтому некоторые занятия Сергей Александрович поручал проводить способным мальчикам. Так в детях поддерживались и развивались ответственность, взаимовыручка, терпение, уважение к товарищам, а также прививались первые практические навыки школьного учителя.

Большое значение в обучении Рачинский отводил чтению книг и, в первую очередь, книг религиозного содержания, без которых нельзя было представить жизнь крестьян. Церковносла-

вянский язык, преподававшийся в школе вместо иностранного, помогал освоению грамоты и литературы, давая ребенку возможность самому открывать и удивляться их тесной взаимосвязи.

Кроме книг церковного характера дети полюбили русскую литературу «догоголевского» периода, особенно поэзию Пушкина и Жуковского, а также прозу Аксакова, которые воспевали светлые, добрые начала. Любопытно, что ученики тянулись к Гомеру и Бруту – к их непреходящим темам и возвышенному слогу. Однако произведения Гоголя, Островского и Некрасова, отличавшиеся критическим характером, не вызывали у них душевного отклика. Причину подобного отношения следовало искать в национальном характере русского народа, для которого были чужды дисгармоничные представления о мире и осуждение, пронизывающие творения перечисленных авторов.

Важное место в школе было отведено искусству, развивающему образное мышление и воспитывающему чувства. Когда занятия по чтению, письму, арифметике и Закону Божьему чередовались с художественной деятельностью, то открывались редкие таланты. Так, ученики Тит Никонов, Иван Петерсон и Николай Богданов-Бельский, обладавшие способностями в рисовании, были устроены Рачинским в иконописную школу Троице-Сергиевой лавры. Сохранилось письмо Никонова к сестре Сергея Александровича, Варваре, в котором он рассказывает о приезде в монастырь Коли Богданова-Бельского:

«...Приехавши от Вас в Лавру, мы явились к о. Симеону. Он принял Николу ласково. Назавтра Николе дали рисовать для испытания на грифельной доске, он значительные сделал успехи. Видя, что Николя рисует уже порядочно, наставники начали давать ему рисовать на бумаге контуром, а теперь Николя тушует головки и хорошо преуспевает! К порядкам нашим Николя очень скоро привык. Так как пища наша не очень сытная и всегда постная, то я покупаю для нас с Николою молоко и иногда что-нибудь мясного. С Николою я устроился вместе в одной комнате. Он очень скоро нашел себе товарища из маленьких, живущих с нами учеников. Хотелось бы мне пристроить его к нашему хору, но едва ли это удастся, ибо певчий он не из порядочных; регент мой все-таки обещал испытать его голос.

Теперь относительно себя скажу вам, что я также понемногу в рисовании подвигаюсь вперед. Картину, мученика Севастиана, которую Вы видели у меня, я окончил, а теперь о. Симеон дал мне рисовать другую картину, которая изображает воскресение дочери Иаира. По вечерам Николя рисует маленькие пейзажики, и я до сих пор рисовал с небольших оригиналов, а с понедельника начну рисовать с гипсу. Часто мы бываем у нашего знакомого Ивана Ивановича Соколова. На днях я нашел в газете «Русь» две статьи, написанные Сергеем Александровичем [Рачинским]; прочтя их, я был в восторге, но не один я радуюсь этим прекрасным статьям, а почти каждый, кому попадались эти номера «Руси». Поражает еще всех подпись при статьях: «Сельский учитель С. Рачинский». В Татево мы с Николею пишем почти каждую неделю...»¹⁵

Николай Богданов-Бельский, который стал известным художником, с благодарностью отзывался о Рачинском, считая его своим учителем жизни.

Другой ученик Татевской школы, Иван Петерсон, по окончании учебы в Троице-Сергиевой лавре был определен Рачинским на работу в имение А.И. Новикова Козловского уезда Тамбовской губернии, где преподавал иконопись в народной школе.

Особое внимание Рачинский уделял «педагогической» ценности древних церковных «роспевов». В Татево приезжал С.В. Смоленский – руководитель Синодального хора, директор Московского синодального училища церковного пения, профессор Московской консерватории. Он занимался с детьми хоровым пением. Сергей Александрович давал уроки сольфеджио, знакомя с нотной грамотой.

На долю учеников Рачинского выпала редкая удача. Они получали духовное воспитание и классическое образование, в котором точные дисциплины соседствовали с гуманитарными, занятиями искусством и трудовым воспитанием. Преподавание велось на самом высоком уровне, обусловленном уникальной личностью Рачинского, который соединял в себе душевную чистоту, глубокий ум, талант и блестящее образование.

¹⁵ Климкова М.А. «Край отеческий...» С. 407.

Сергей Рачинский объединил в своей деятельности две задачи – воцерковление школы и отрезвление народа¹⁶.

Однажды, в день праздника Святой Троицы, Сергей Александрович встретил бывшего воспитанника, который был пьян. Увиденная картина была столь безобразной, что Рачинский испытал чувство стыда и раскаяния. Он почувствовал, что упустил в воспитании то, без чего все прочее не имеет значения, – не закалил воли ученика против опаснейшего из искушений. Единственным средством против этой беды, которое Рачинский смог тогда придумать, было создание Общества трезвости.

5 июля 1882 года, в день именин Сергея Александровича, в татевской Троицкой церкви, после молебна преподобному Сергию Радонежскому, Рачинский вместе с учениками принял обет воздержания от спиртных напитков сроком на один год. Через год срок обета был продлен, а к обществу стали присоединяться новые члены.

В 1889 году в «Церковных ведомостях» Рачинский опубликовал статью, в которой разъяснял необходимость создания обществ трезвости. Он считал, что трезвенная работа может быть плодотворной лишь в церковном приходе и что только в Церкви можно исцелить человеческую душу от пороков.

Вскоре общества трезвости, по образцу Татевского, стали учреждаться во всех епархиях. Таким образом, благодаря деятельности Рачинского в России начался новый этап православного образования, когда для воспитания в школах появился специальный предмет – «Наука трезвости» и учредились внешкольные учреждения дополнительного образования – общества трезвости.

Сегодня считается, что в России на рубеже XIX–XX веков было распространено пьянство. Население, якобы одержимое «национальной болезнью», спивалось, а общества трезвости не могли существенно повлиять на ситуацию. Действительно, пьянство, постоянно возрастая, превращалось в один из основных пороков народной жизни, но в то время оно не имело столь бедственной

¹⁶ См., напр.: Гусев Г.В. Социально-педагогическая деятельность С.А. Рачинского в контексте трезвенного движения Русской православной церкви // Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всероссийского научного семинара. Тамбов, 2005.

формы, как впоследствии, а главным виновником этого духовного рабства являлся не народ, а государство.

К тому времени винная продажа в европейских странах была изъята из рук частных лиц и передана городам или казне, причем значительный процент с прибыли шел на борьбу с алкоголизмом. В 1897 году этот опыт был перенят Россией, где тоже установили государственную монополию на продажу «питей». Закон был введен ради уменьшения потребления водки и расходов населения на ее приобретение, но вскоре цели реформ забыли, а государственная монополия начала использоваться для пополнения казны. Водка превратилась в фундамент бюджета. Кроме того, с введением данного закона потеряли силу «приговоры» сельских обществ, которым в 1885 году было дано право не разрешать винной торговли в своей местности.

Однако даже при возрастающем пьянстве душевое потребление алкоголя в России было гораздо ниже, чем в европейских странах. Если в период с 1885 по 1905 год на одного российского жителя в среднем приходилось 2,8 литра спирта, то во Франции – 19,04 литра, Италии – 12,5 литра, Англии – 10,63 литра, Германии – 9,13 литра. Причем крестьянство в России потребляло алкоголя втрое меньше городского населения¹⁷.

Творческое наследие Сергея Рачинского огромно: статьи, книги, рецензии на памятники искусства, рассказы, стихи, сказки, толкования евангельских текстов. Кроме того Рачинский был собирателем и хранителем святынь своего дворянского рода. Он обладал обширнейшим семейным архивом и в 1899 году издал «Татевский сборник», в котором опубликовал материалы своего дяди – поэта Е.А. Боратынского. Любопытно, что коллекции памятников искусства своей усадьбы Сергей Александрович использовал в качестве образовательного музея, в который водил учеников на занятия.

В 1895 году Рачинский писал о себе в автобиографии в третьем лице:

«Сергей Александрович Рачинский, надворный советник, доктор естеств. наук, 62 года. С 1859 по 1868 г. состоит экстраорди-

¹⁷ Степаненко Н. Заколдованный круг // Пробуждение, 1914 (1 июля). Вып. 13. С. 435.

нарным, затем ординарным профессором Московского университета по кафедре ботаники.

С осени 1875 г. занят исключительно делами начального образования. Все это время по зимам преподавал в Татевской начальной школе, летом же наиболее способных из своих воспитанников приготавливал к экзамену на звание учителя, а также к другим жизненным поприщам, сообразным с их личными способностями [...].

В то же время... был деятельно занят размножением школ в сев.-восточ. углу Бельского уезда. Таковых им постоянно содержанных на собственный счет 10–12. Было этих школ построено... на свой счет десять школьных зданий, по большей части обширных, не считая здания Шопотовской министерской школы, на которое министерством было отпущено 2000 р., издержано же 7000.

В настоящее время на его содержании остается лишь пять школ ведомства Мин. Нар. Просвещения и три школы грамотности, так как четыре из содержимым им школ с начала текущего года [признаны] ц.-приходскими, и получают субсидию от Св. Синода.

Эта сторона его деятельности была крайне неосторожна, ибо уменьшила приблизительно на треть (40 000 р.) его состояние и продолжение ее в настоящих размерах становится невозможным»¹⁸.

В Татевое приезжали люди со всей страны. Их влекло желание прикоснуться к живому, творческому делу Рачинского. Здесь были многие выдающиеся личности, в том числе историк князь С.Д. Шереметев, философ В.В. Розанов, автор «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардт, глава миссии Русской Церкви в Японии архиепископ Николай Японский, который родился в соседнем с Татовом селе Егорье-на-Березе.

Владыка Николай писал из Японии:

«...Вы представить себе не можете, как, живя за границей, страдаешь за недостаток людей для общественной деятельности в России... Отчего это? А нет их оттого, что русский народ еще не развит. Наличия образованного класса едва хватает для службы

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 719. Л. 2.

в самой России... Иное дело будет, когда она будет образованна. Итак, развитие массы – вот что насущнейшая потребность России...»¹⁹

«...Боже! Как подумаешь, что за необъятное значение имеет сельская школа! Велика и обширна Россия: шестую часть света занимает она, и на каждом клочке ее в трех-четыре-х квадратных верстах водятся вот такие бриллианты, какие открыты Татевской школой и отшлифованы в виде художников, священнослужителей, учителей и т.п. Будь Россия покрыта сетью школ, подобных Татевской, как заблестала бы она в мире!..»²⁰

В конце XIX века народные школы, подобные татевским, открылись по всей стране, в том числе в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Елизавета Антоновна Дельвиг, дочь поэта А.А. Дельвига, участвовавшая в устройстве школы села Софьинка, писала в 1880 году из усадьбы Мара к матери Сергея Рачинского: «Скажите Сергею, что все чудеса, виденные мною в его школе, не выходят у меня из головы»²¹. В то время уже действовало народное училище в селе Сергиевка, попечительницей которого была кузина Рачинского – Софья Сергеевна Чичерина, урожденная Боратынская. (Именно здесь получил начальное образование митрополит Вениамин (Федченков) – уроженец тех мест, выходец из крестьянской семьи.) Вскоре открылись школы в кирсановских поместьях Рачинских: в 1886 году – в селе Кобыки; в 1888 году – в Натальевке.

14 мая 1899 года император Николай II написал в Высочайшем рескрипте на имя Сергея Александровича Рачинского: «Школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковно-приходских, стали питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений. Близкая сердцу Моему забота о народном образовании, коему вы достойно служите, побуждает Меня изъявить вам искреннюю Мою признательность»²².

¹⁹ Цит. по: *Хлопецкий А.* Всякому да откроется стезя своя: По рассказам Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Н.В. Мурашова // *Хлопецкий А.* «И вечный бой...» // <http://sp.voskres.ru/prose/hlop1.htm>

²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: *Климова М.А.* «Край отеческий...» С. 399.

²² Там же. С. 409.

В 1900 году Татевская школа приняла участие во Всемирной промышленной выставке в Париже. К тому времени опыт Рачинского изучали в Англии, где открылись школы подобного типа – Аббатсхолмская (1889) и Бидельская (1892).

За 20 лет из числа воспитанников Рачинского вышло около 60 учителей, 12 диаконов, 4 священника, 3 художника, академик-атомщик, министр нефтяной промышленности, доктор медицины. Один из учеников Рачинского, протоиерей Александр Васильев, расстрелянный в 1918 году, был последним духовником царской семьи.